

**ЧАНГМАРИН
ПЕСНИ
ПАНАМЫ**

CHANGMARIN
SOCABON
POEMAS
CORPORALES

PANAMA

ЧАНГМАРИН ПЕСНИ ПАНАМЫ

ПЕРЕВОД С ИСПАНСКОГО
Б. ОКУДЖАВЫ

РЕДАКТОР
Е. ВИНОКУРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1963

НЕМНОГО ОБ АВТОРЕ ЭТИХ ПЕСЕН

Мне все время хотелось узнать, какой из себя этот поэт, этот Чангмарин.

Может быть, он — земледелец?

*О, как ты, земля, хороша,
когда ты моя и со мною...
Как ты расцветаешь весной,
молочным рассветом дыша!*

А может быть, он — охотник?

*...И пусть под луною летящей
резвится во здравье свое
по рекам, ущельям, и чащам,
и рощам любое зверье...*

А может быть — веселый гитарист, что переходит от празднества к празднеству, от свадьбы к свадьбе?

*Начинается веселье,
выливается на луг.
Свежая, как сад весенний,
женщина вливает в круг.
Друг плывет за нею кругом,
в шляпе он широкополой,
у бедра кинжал тяжелый...*

А может быть, он — грустный скиталец, что вечно кочует по пыльным дорогам своей родины и родину свою ищет?

*О индеец с сумой за плечами,
вечно странствующий для того,
чтоб, вернувшись из странствий печальных,
ничего не найти, ничего:
ни любви, ни подковы своей,
ни точильного камня под ней...*

А может быть, он — мудрец седобородый, знающий цену жизни?

А может быть... а может быть...

Мне очень хотелось узнать, какой из себя этот поэт, этот Чангмарин.

А оказалось, что ему не так уж и много лет — 40.

И родился он, действительно, в деревне, в маленькой панамской деревушке Лос-Леонес.

Невысокий смуглый индеец с грустными глубокими глазами.

Я все время смотрел на его руки, на пальцы. Мне казалось, что они сами умеют петь удивительные песни, которые посвящены им.

Это были руки, которым все известно:

*...пот работы и мед работы.
...И на всем, что нас окружает,—
на тропинках, камнях, руинах,
на фонтанах, фабриках, фермах —
ваших пальцев следы
и нервов,
и темнеют пятнышки крови.*

Каким внимательным глазом нужно увидеть руки панамского крестьянина-индейца, как нужно любить людей, живущих с тобою рядом, чтобы сказать:

*...Как жестки и кривы ваши пальцы!
Но как нежны они*

*для вечерней гитары
и для трогательных прощаний.*

*О, какое запястье — широкое, словно дорога,
кулаки, словно медные глыбы,
десять пальцев,*

сошедших с ума...

Я с интересом и даже с жадностью продолжаю знакомиться со скуными обрывками биографии этого человека: учится, работает, пишет стихи, песни, занимается живописью... Ему присваивают звание профессора искусств... Он преподает в педагогическом училище, его увольняют в связи со студенческими волнениями... Вот как?

Я читаю его стихи. Я знаю, что он любит свою родину, но мало ли кто ее любит. Я знаю, что он ненавидит американских поработителей, но мало ли кто ненавидит захватчиков...

*О, если б счастливой увидеть
мне грустную землю свою!
Мне сердце велит ненавидеть
врага, пред которым стою,—
предателя или пришельца,
тюремщика и богача...
Горит мое горькое сердце,
и горечь его горяча...*

Я вижу, как больно отзываются в его сердце страдания маленького панамского народа, родины.

*Ты схвачена цепью под горло,
и раны твои глубоки,
и солнце течет, как из горна,
и топчут тебя сапоги...*

*...В морщинах моих — твоя глина,
в крови моей — привкус полей,
а в мышцах — зеленая тина
и корни твоих якорей.
Ты вся — как мое государство,
которого нет у меня.
Я так без тебя исстрадался,
все годы тебя хороня!..*

Но почему профессор искусств пострадал в связи со студенческими волнениями?

Я продолжаю читать его стихи... О, он не просто любит свою родину, и он не просто ненавидит захватчиков, он ко всему и борец — этот индеец с грустными глубокими глазами!

Гораздо раньше меня это было установлено панамскими властями. Ведь, наверное, неспроста Чангмарин был арестован и заключен в тюрьму...

...Его песни поют в Панаме, в маленькой Панаме, лежащей между двумя Америками.

Под его песни веселятся, плачут, провожают близких, уходящих в поисках лучшей доли; под его песни учатся верить, и любить, и ненавидеть, и быть стойкими...

Эти песни словно и не поэтом созданы, а вышли из земли вместе с первыми побегами маиса.

БУЛАТ ОКУДЖАВА

Песни Панамы

Пой, гитара...

Сеньоре Доре П. де Сарате

Пой, гитара. *Слышу чистый звон.
В песне той пускай сольются струны.
На рассвете и порою лунной
пой салому, лянто, сокабон.*

1

Трость, сапожник, струны для меня:
я влюблен, замечен я судьбою.
Стань артистом на исходе дня —
шляпу я сниму перед тобою.
У меня поэма есть одна
из сплошных вопросов бесконечных...
Ты послушай рокот струн сердечных
и узнаешь, чем душа полна.
Пой салому, лянто, сокабон.
Пой, гитара. Слышу чистый звон.

2

Чтобы правду выкрикнуть в упор,
быть артистом незачем, не скрою.
Пусть одна рука с другой рукою

о добре и зле затеют спор.
Нет грустнее доли у людей —
петь, страдая, странствуя и плача,
петь, ни слез, ни горечи не пряча,
струнами звеня среди полей.
Кто ни пел бы, старый или юный,
в песне той пускай сольются струны.

3

Пой о счастье, пой о людях, пой,
ласковое дерево резное;
на пороге холода и зноя
ты звени струнами, лекарь мой.
Чтобы голос был неутомим,
чтобы страсть моя воспламенилась,
помоги и окажи мне милость:
зарази безумием своим.
Пусть гремит прибор твой шестиструнный
на рассвете и порою лунной.

4

Мы родня с тобою по крови.
Ты — и гнев, и радость, и страданье,
нетерпенье ты и ожиданье
Родины моей, моей любви.
Пой и плачь в дороге лет и дней —
чище нету струн на белом свете.
Дай, гитара, даже перед смертью
песнею заслушаться твоей.
Пой, гитара. Слышу чистый звон.
Пой салому, лянто, сокабон.

Хотелось бы быть мне счастливым

Нельсону Мохике

1

Хотелось бы быть мне счастливым
всем горестям жизни назло:
вот поле под щедрым поливом
зеленым ковром проросло;
в рассвете, что мягок и сладок,
шагает мой конь не спеша;
задумчивый свист куропаток
плывет, тишину вороша...
Сквозь горы и доли далеко
моя пролегает дорога.

2

Люблю я поля золотые,
созревший початок любой,
плоды в сентябре налитые,
каналы с водой голубой.
И пусть под луною летящей
резвится во здравье свое
по рекам, ущельям, и чащам,
и рощам любое зверье...
Пусть жизнь моя — пестрая птица —
высоко-высоко стремится.

3

Хотел бы я вовсе не плакать —
мне плач не по сердцу совсем,
хотел бы улыбки не прятать
и щедрым являться ко всем.
Пусть в поле маис расшумится,
пусть будут обильней плоды,
и пусть на дорогу ложится
сияние чистой звезды...
Попробуй ее потуши,
надежду крестьянской души!

4

О, если б счастливой увидеть
мне грустную землю свою!
Мне сердце велит ненавидеть
врага, пред которым стою,—
предателя или пришельца,
тюремщика и богача...
Горит мое горькое сердце,
и горечь его горяча...
С бедою своей и с любовью
всегда я, народ мой, с тобою.

Фестиваль

*Организаторам Фестиваля
мехораны в Гуарарé*

1

Начинается веселье,
выливается на луг.
Свежая, как сад весенний,
женщина влывает в круг.
Друг плывет за нею кругом,
в шляпе он широкополой,
у бедра кинжал тяжелый,
мехораны гром над лугом,
все неистовее он...
Фестиваль похож на сон.

2

Как прохладны эти слезы
голубой росы ночной!
Распустившиеся розы
пахнут медом и весной.
И у пляски, и у пения,
и у всех, что так щедры,
общее сердцебиение
вплоть до утренней поры.
Все мы связаны друг с другом
мехораны вечным кругом.

3

Хотел бы я вовсе не плакать —
мне плач не по сердцу совсем,
хотел бы улыбки не прятать
и щедрым являться ко всем.
Пусть в поле маис расшумится,
пусть будут обильней плоды,
и пусть на дорогу ложится
сияние чистой звезды...
Попробуй ее потуши,
надежду крестьянской души!

4

О, если б счастливой увидеть
мне грустную землю свою!
Мне сердце велит ненавидеть
врага, пред которым стою,—
предателя или пришельца,
тюремщика и богача...
Горит мое горькое сердце,
и горечь его горяча...
С бедою своей и с любовью
всегда я, народ мой, с тобою.

Смерть

Гонсало Э. Кастро

В гостях у меня побывала
старуха с точеной косою.
Стою перед ней со свечою.
«Привет!..» — говорю ей устало.

1

«Прошу вас, входите, сеньора.
Вот стул вам — садитесь удобно.
Скажите мне, что вам угодно?
Признаться, не ждал вас так скоро.
Быть может, ошибка случилась?»
Она мне сказала, осклабясь:
«Не свойственна мне эта слабость,
я в самое время явилась».
Так смерть, не смущаясь нимало,
в гостях у меня побывала.

2

«Сеньор, я явилась за вами», —
сказала мне важная гостья,
и стукнулись кости о кости,

и страха ожгло меня пламя.
«Сеньора, не надо об этом!
Сеньора, побойтесь-ка бога!..»
И чтобы задобрить немного,
кормлю ее сочным омлетом.
Насупясь, сидит предо мною
старуха с точеной косою.

3

Ее угощаю и плачу,
и в грудь себя бью, и горюю,
и жалуюсь напропалую,
что так и не встретил удачу.
Все поле — сплошные каменья,
всю жизнь над клочком этим бился:
ни риса на нем, ни маиса...
Что сила моя и уменье?!
Неужто гроша я не стою?..
Стою перед ней со свечою.

4

И вижу я: смерть погрустнела
и жадность свою погасила.
«Я слушать все это не в силах,—
печально она проскрипела.—
Мне зрелище это ужасно,
как в горе ломаешь ты руки.
Сильнее меня эти муки —
к тебе я спешила напрасно...»
И время расстаться настало.
«Привет...» — говорю ей устало.

Женщина

Хулио С. Эррере

Ну что мне красотки любые?
Подруга бы рядом была,
чтоб крепко и гордо любила
да вкусно б готовить могла.

1

Любые земные красоты
Года приведут к безобразью.
И самые светлые воды
мешаются с илом и грязью.
И все молодое стареет,
и сила уходит из рук,
и все, чем владеешь, бледнеет —
ненужным становится вдруг.
Проходят и сны голубые...
Ну что мне красотки любые?

2

Чужды мне ханжи и святоши,
обманщицы и белоручки,
богатые дочери и внучки,

трусихи и сплетницы — тоже.
Мерзки мне красотки (и баста!),
что все прибирают к рукам,
которые ради богатства
готовы прильнуть к дуракам.
Их спесь мне ничуть не мила...
Подруга бы рядом была!

3

Мне женщины ближе другие,
такие:

с горячею кровью,
в которых надежда с любовью
и с верностью мудрость,

такие,
что рядом с тобой поспевают,
и все понимают сполна,
и песни свои распевают,
как ветер морской...

Мне нужна
жена, чтоб обид не таила,
чтоб крепко и гордо любила.

4

Вот мне бы такую подругу,
чтоб сердце свое подарила
и чтобы со мною делила
и зной полуденный и вьюгу,
и полную чашу и жажду,
и праздник и горе...

Всегда.

Пока не погаснет однажды
моя голубая звезда.
Чтоб самой надежной была...
да вкусно б готовить могла.

Самых мудрых я расспрашиваю

Моему шурина Цезарю Мурильо

Самых мудрых во все года
я расспрашиваю по свету:
то, что жизнь покидает эту
навсегда, уходит куда?

1

Умирают птицы по веткам,
и кривая ветвь умирает,
гаснет пламя, схватившись с ветром,
и звезда в небесах сгорает.
Умирают любовь и лето,
и никто не уйдет от судьбы:
ни влюбленные, ни поэты,
ни хозяева, ни рабы.
Побеждает она без труда
самых мудрых во все года.

2

Все сдается пред ликом смерти:
псы и змеи, быки и волки.
Все живое на белом свете

завершает свой круг недолгий.
Маргаритка под солнцем вянет —
хороша ли она, плоха...
И последней, бывает, грянет
песня гордого петуха.
Неужели спасенья нету?
Я расспрашиваю по свету.

3

Умираю. Я — тлен и камень,
я — земля, я — влага в колодце,
я ростками, словно руками,
пробиваюсь к теплу и к солнцу.
Я такой же, как все живое:
где настигнет смерть — упаду,
но тряхну своей головою
и веселым цветком взойду.
Может, так и живет по свету
то, что жизнь покидает эту?

4

Жизнь изменчива, быстротечна.
Умирают тела и души.
Только память, светла и вечна,
пребывает среди живущих.
И не нужно мне славы большей,
чем витающий меж людьми
долго-долго, как можно дольше,
тихий ветер моей любви.
Что же спрашивать мне: «Года
навсегда уходят... Куда?»

Я ничего не нашел, возвратившись...

*Моему брату
Карлосу А. Чангмарину*

Н*ичего не нашел, возвратившись
после грустной отлучки своей:
ни счастливой подковы под крышей,
ни точильного камня под ней.*

1

*...И пошел я по зоне канала.
Две печальных бороздки у рта...
Разорила меня, изломала,
погубила меня нищета.
Жизнь осталась вдали, за спиною,
как забытое кем-то жнивье.
Лишь маячила смерть предо мною,
совершавшая дело свое.
В долгий путь на рассвете пустившись,
ничего не нашел, возвратившись.*

2

*Так и шел я, и так я скитался
по земле от угла до угла,
спал на ящиках, снами питался,*

пыль дорожная легкие жгла.
И как будто охваченный бредом,
видел я нищету вдоль дорог...
Человечество, кто ж тебя предал?
Кто тебя на мытарства обрек?..
Что найду у родимых дверей
после грустной отлучки своей?

3

Вот опять с неутихшею болью
воротился туда я, где жил.
Шел июль, спотыкаясь, по полю
и забытое поле сушил.
И понес я к реке свою горечь,
прокричал о печали земли...
Затерялся мой горестный голос
в молчаливой бескрайней пыли...
Ни кола, ни двора не отыщешь,
ни счастливой подковы под крышей.

4

Только крест из корявого кедра
надо мною стоял в тишине,
только злое дыхание ветра,
как зверье, подбиралось ко мне.
О индеец с сумой за плечами,
вечно странствующий для того,
чтоб, вернувшись из странствий печальных,
ничего не найти, ничего:
ни любви, ни подковы своей,
ни точильного камня под ней.

Я прошу свободы...

Мануэлю Родригесу

1

Сеньор судья, вы меня не судите,
не отправляйте меня в тюрьму.
Вы лучше в душу мне загляните,
поверьте голосу моему.
Когда бы сам я знал — почему!..
Сердце мое — как орел в зените.
Зачем же гордые ранить крылья?
Я не преступник и не в долгу...
Но если о совести вы забыли,
то я отомстить за себя смогу.

2

Вот этими жилистыми
руками
вбивал я колья, и клал я камни,
и стены хижины возводил...
Сеньор судья, я с народом был,
когда выращивал сад зеленый.
И прошибал меня пот соленый,
как деда и прадеда моего...
А я ни пред кем виноватым не был.
Есть у меня
земля и небо,
а больше не надо мне ничего.

5

Сеньор судья, вы только представьте,
какое горе сжигало нас!

На наше место себя поставьте
хоть на секунду,

один лишь раз.

Я говорю не для громких фраз...

И вы увидите боль индейца
и взгляда его

сплошную ночь,

в которую не на кого

надеяться...

И выпорхнет из груди

ваше сердце,

потому что станет ему не в мочь.

6

Когда я, печальный, пришел на ранчо,
чтобы, простившись, пуститься в путь,
гнев меня обнял рукой горячей,
и выстрел грянул

в ночную муть —

пуля вошла

помещику в грудь...

Сеньор судья,

я снова и снова

все это в памяти

ворошу.

Я убил, защищаясь...

Слово!

И не прошу

ничего иного —

а только свободы себе

прошу...

Деревья дорог

Гитаристу Андресу Кастильо

1

Деревья у края дорог,
бегущие на расстоянии
меж встречами и расставаньями
под музыку птиц и тревог,
бредет мимо вас нищета
с печальной складкой у рта,
дорогой и жаждою мучима...
И зной осаждает уставших,
И смерть караулит отставших...
О, как это вами изучено!

2

Безумие, слабость, и пот,
и голод, и плач, и отчаяние,
как вечное веток качание,
у вас пред глазами плывет.
О, вы хорошо это знаете —
вы смотрите, запоминаете.
Все мимо плывет, не торопится,
плывет голова к голове,
на ветви садится и копится
в задумчивой вашей листве.

3

Деревья у края дорог
под падающими дождями,
какой горизонт перед вами!
И вы по нему — как венок....
Весеннее ваше цветение —
оно словно счетов сведение
с печалью, разлукой и тьмой,
оно обещание отдыха,
хранилище чистого воздуха,
надежда вернуться домой.

4

Так пусть мне откроет привал
ветвистое ваше лекарство:
в бродяжничестве и в мытарствах
я все, что имел, потерял,
скитаясь по этой земле,
как будто по теплой золе...
Высокие кроны клубя,
цветите, деревья, кострами...
Я молча шагаю под вами...
Земле возвращаю себя.

На этой земле я родился

Маргарито Монтилье

Н*а этой земле я родился,
и смерть за нее я приму.
Не сладко придется тому,
кто край мой похитить решился.*

1

Родился на этом лугу я.
Все птицы распелись в тот день,
в весну торопился, ликуя,
лесной тонкорогий олень.
Под кедров могучие кроны
дорога стелилась моя,
и стала весна полнокровней,
и реки сбежались в моря.
Со щедрым дождем, что пролился,
на этой земле я родился.

2

Я ранчо на склоне построил,
посеял высокий тростник
и песню к работе пристроил —

припев над посевом возник.
Звучал он о добром о чем-то,
плоды наклонялись с ветвей,
и в дом мой шагнула девчонка,
и стало мне в доме светлей.
В обиду не дам никому
и смерть за нее я приму.

3

Но враг на рассвете явился,
сошел он украдкой с коня,
к земле моей древней склонился
и землю украл у меня.
Он честью и верностью клялся
и сладким ликером поил,
он в самую душу прокрался —
чуть было совсем не сгубил.
Глупец, кто поверит ему.
Не сладко придется тому.

4

Скупой землемер и помещик,
нотариус и адвокат
совсем не веселые вещи
в краю моем милом творят.
Но где-то над их головами
(я знаю, о чем говорю)
зари занимается знамя...
Я чувствую эту зарю!
Не сплю я, чтоб мести страшился,
кто край мой похитить решился.

О, как ты, земля, хороша

Рафаэлю Мургасу

О, как ты, земля, хороша,
когда ты моя и со мною...
Как ты расцветаешь весной,
молочным рассветом дыша!

1

Земля, ты меня убиваешь —
болит твое сердце во мне!
За давностью лет забываешь,
как раньше я пел по весне.
Теперь не пою я, а плачу,
лишь помню, как ранней весной
ты вся под ладонью горячей
совсем становилась ручной...
С людьми поделиться спеша,
о, как ты, земля, хороша!

2

В морщинах моих — твоя глина,
в крови моей — привкус полей,
а в мышцах — зеленая тина

и корни твоих якорей.
Ты вся — как мое государство,
которого нет у меня.
Я так без тебя исстрадался,
все годы тебя хороня!
Великое счастье земное —
когда ты моя и со мною.

3

Ты схвачена цепью под горло,
и раны твои глубоки,
и солнце течет, как из горна,
и топчут тебя сапоги.
Вся щедрость твоя — за годами,
пустыней ты все и грустней...
Меня убивает страданье,
мне больно от боли твоей...
И снится мне, снится иное:
как ты расцветаешь весной.

4

Пора наступает проститься.
Зачем без тебя я? Куда?
Кто знает, еще возвратиться
придется ли снова сюда?
Меня от тебя отрывают,
как риса росток от полей,
как будто бы раны вскрывают
тяжелую цепью твоей.
А как ты была хороша,
молочным рассветом дыша!

Не потому, что не хочу любить

Мелитону Мохике Марину

Не потому, что не хочу любить
(готова через край любовь пролиться),
но у меня нет дома, чтобы жить,
и нет земли, где мог бы я трудиться.

1

Люблю, но тайно.

Вот моя судьба.

Все под сомбреро нежный взгляд скрываю,
как будто я запретный плод срываю,
я,

перед ней похожий на раба.

Как жизнь несправедлива и груба!

Я мудрствую,

я голову ломаю,

я силюсь и бессилён позабыть,
последнюю надежду здесь теряю
не потому, что не хочу любить.

2

Любить?

А если даль моя пуста?

Знать, никогда нам не соединиться.
Мне участь одинокая страшна.
Она другому будет отдана.
С надеждами пора бы мне проститься:
нет у меня ни денег, ни зерна
и нет земли, где мог бы я трудиться.

Я о любви не буду больше петь

Модесто Мохике

Я о любви не буду больше петь,
божественных стихов слагать не буду.
Пока отчизне счастья не добуду,
напев один:

свобода или смерть.

1

Я так любил, что нет любви сильней.
Да смерть судьбу по-своему решила.
Она любовь, как пламя, потушила.
Вот так пришел конец любви моей.
Напрасно распускались вы, сады,
напрасно буйствовали вы весною:
куда я ни глядел — передо мною
следы печали и следы беды.
От них не спрятаться,

их не стереть...

Я о любви не буду больше петь.

2

Тогда я к небу обратил глаза,
чтоб встретить утешенье в мирозданьи...

Затравленной любви

в моем сознании

по-прежнему звенели голоса.

Не принесли покоя небеса.

Воспоминанья

все как наказание!

Не стало легче мне и от вина —

разлука и отчаянье повсюду...

Пока душа изранена, больна,

божественных стихов слагать не буду.

3

Я шел вперед упрямо. И уже

не жаловался, и уже не плакал.

Я жалобы свои и слезы

прятал.

Иной огонь возник в моей душе.

Из странствований горестных моих,

из сердца, истекающего кровью,

уже другою вскормленный любовью,

неистовый, как крик, родился стих.

Его, его отныне петь я буду,

пока отчизне счастья не добуду.

4

Вот песня о растоптанной земле,

и о пустой похлебке на столе,

об отнятой отчизне у народа,

и о народе —

значит, обо мне.

Вот песня о войне и тишине,

и о тюрьме, в которой год от году
пытаются убить мою свободу.
Вот песня, без которой не взлететь.
Мешают ей и не дают проходу...

Напев один:

свобода или смерть.

Как нужен стих, чтоб мог воспламениться!

Профессору Бонифасио Перейре

1

Клеветников, предателей, фразеров
я повидал довольно на веку.
Их перья приспособлены к позору.
Я с точностью судить о них могу.
Есть много книг изящного покроя,
но сотканных из самых лживых фраз.
Они нас обволакивают мглою,
они обманом отравляют нас.

2

Вот школьные со мной простились будни,
последний прошумел и смолк урок.
Прямые, целомудренные буквы
со мною вместе вышли на порог.
И вновь вернулся я домой весною,
к своей земле, к воде и к очагу.
Толпятся буквы за моей спиною —
я перед вами, милые, в долгу.

3

Ищу я книгу, чтоб она учила,
как мне спасти отечество свое,
чтобы она кинжалы наточила...

Ищу я книгу...

Где найти ее?

Люблю я стих, который весь в грядущем,
который сам уводит за собой,
и сдавшиеся

пробуждает души,
и дышит в лица честью и борьбой.

4

Крик о свободе, страстный и протяжный,
сквозь боль и мрак плывет со всех концов...

Земля краснеет за писак продажных,
за всех благонамеренных льстецов.

Народ в оковах и во тьме томится.

Неужто ничего не изменить?

Как нужен стих,

чтоб мог воспламениться
и гневом наши души начинить!

Я маис хочу сажать

Рене Гонсалесу Бараоне

1

Я маис хочу сажать
над водою вдоль канала.
Губы я хочу разжать,
чтоб салома зазвучала.
Я хочу, чтобы с холма
и задумчиво и сладко
ворковала куропатка,
от любви сойдя с ума.

2

Вся земля в руках у гринго,
вдоль канала — все его,
только я, печальный чинго,
не имею ничего.
Вот и я иду туда,
где с кинжалом и в сомбреро
из Лос-Сантоса, Эрреры
сходится народ труда.

3

Как прекрасны вы, поля,
вниз бегущие по склонам,

как мешается с зеленым
черно-бурая земля!
Родина, тебе добуду
счастья,

я того хочу.

От Гатуна до Курунду
твои раны залечу.

4

Рис взойдет в величьи строгом,
зарастут войны следы.

Будет вдоволь, будет много
и свободы и воды.

И вода мой край омоет,
закружатся жернова,
чтоб от моря и до моря —
только счастье и трава.

3

Ты и пария, ты и изгнанник,
на земле своей горькой
ты странник.
Только пыль у тебя, только степь...
Только боль для тебя, только цепь...
Говорливый священник-мошенник
на тебя одевает ошейник,
чтобы тихо и благостно ты
восседал за столом нищеты.

4

По земле ты проходишь, ты плачешь,
но ни слез, ни обид ты не прячешь,
безнадежность тебя не берет...
И тебя величают:
Народ.
Велики твоя боль и терпенье,
но на смену идет пробужденье.
Ты очистишь отчизну свою...
Я об этом грядущем пою.

Прощай, прощай, земля моя...

Хосе Марии Мендесу

Прощай, прощай, земля моя!
С тобою я расстаться должен.
Вот до какой поры я дожил —
в разлуку отправляюсь я.

1

Я из покинутой страны
возьму, возьму с собой в дорогу
свою беду, свою тревогу
и плач задумчивой струны.
Пусть день мою заглушит боль,
прохлада пусть меня догонит.
В мои иссохшие ладони,
земля, твоя впиталась соль.
Уйду, печали не тая...
Прощай, прощай, земля моя.

2

Мой конь, меня ты не помчишь,
не положу на гриву руку...
Судьба послала нам разлуку.

Прощай.

И если уйду,
то лишь затем, чтобы вернуться,
а не затем, чтобы согнуться...
С собою мир свой уношу.
Прощай, прощай, земля моя,
В разлуку отправляюсь я.

Я плачу над своей судьбою...

Моим сестрам

1

Еще вчера ты здесь была...
Как трудно мне привыкнуть сразу
произносить вот эту фразу:
еще вчера ты здесь была.
Неужто ты не улыбнешься,
тропинкой к ранчо не пройдешься?
Никак постичь я не могу
того, что вдруг стряслось с тобою...
Не просто это бедняку...
Я плачу над своей судьбою.

2

Тоска у кухонной плиты:
котел не мыт, огонь погашен.
Мне каждый робкий жест мой страшен
вдруг я сотру твои следы!
Вдруг память о тебе я смою!..
Вчера еще смеялась ты...
Еще я весь горю тобою,
во мне любовь твоя кричит.
Но голос твой давно молчит...
Я плачу над своей судьбою.

3

Иду к ручью, стою над ним.
Еще вчера ты здесь стирала.
Вода зеленая бежала
по пальцам ласковым твоим.
И птица с красной головою
сквозь листьев шелестящий дым,
склонившись, пела над тобою;
качалась на цветке пчела
еще вчера, еще вчера...
Я плачу над своей судьбою.

4

Колодец ряскою покрыт.
Ложатся равнодушно тени.
Но тыква все еще хранит
следы твоих прикосновений,
и нож т о б о ю не отмыт.
Как странно всем исчезновенье
твое
из мира твоего!
Смерть увела тебя с собою,
меня оставив одного...
Я плачу над своей судьбою.

5

Я на руки свои гляжу —
мне сдерживаться нету силы.
Я слышу, как поешь ты сыну,
глаз от тебя не отвожу —

ты в платъице,
и георгины
задумчиво цветут на нем,
как прежде всякою весною.
И ты не думаешь о том,
что мы расстанемся с тобою...
Я плачу над своей судьбою.

6

Когда настал печальный срок,
не в силах был тебя сдержать я.
Не помогли мои объятья,
ни крик, ни просьба, ни замѣк...
Со смертью справиться не смог.
Ты так устала,
что любое
из средств
бессильно воскресить.
Земля сомкнулась над тобою.
Я без тебя оставлен жить...
Я плачу над своей судьбою.

7

Не покладая рук своих,
мы вместе горевали в поле
с одной судьбой, с одною болью.
с одной надеждой
на двоих.
Но голос твой, как ветер, стих.
Мы были связаны с тобою
перед добром и перед злом

одной бедой, одной любовью,
одним затянутым узлом...
Я плачу над своей судьбою.

8

Еще вчера,
едва в окне
рассвет забрезжит в тишине,
как ты уже встаешь со мною...
...Земля любви,
не мне, не мне
тебя топтать:
там под тобою —
как дно под темною волною,
как камешек на этом дне —
та,
что была моей женою,
покоится в холодном сне...
Я плачу над своей судьбою.

9

Вот поле все покрылось тьмой.
Пора, бедняк, тащиться к дому...
Иду.
Пою свою салому
беззвучно,
будто я немой.
Не встанешь ты передо мной,
не поманишь своей рукою...
Плита пуста, и пламя спит.
Все связано вокруг с тобою,
все о тебе лишь говорит...
Я плачу над своей судьбою.

Ты только подожди...

Эмильяно Васкесу

Минует все. Ты только подожди.
Приду однажды. Так всегда бывает.
Ты на дорогу дальнюю гляди —
пускай она меня напоминает.

1

Я ухожу на поиски удачи,
чтоб положить ее к твоим ногам,
чтоб видеться потом, смеясь и плача,
с тобою

под луною

по ночам.

В моей душе

ты вся из роз и света,

из роз и света вся в моей душе.

Я скоро возвращусь к тебе.

Лишь это

повелевает мыслями уже.

И засуха, и стужа, и дожди —

минует все.

Ты только подожди.

2

Для ласковых, печальных и бездонных.
для глаз твоих что должен сделать я,
насильственно с тобою разлученный,
покинутая девочка моя?

Что я имею, кроме слез и кроме
великой нищеты и маяты,
и сердца, переполненного кровью
моей любви, которой веришь ты?
Так пусть в тебе любовь не убывает:
приду однажды — так всегда бывает.

3

Иду куда глаза глядят, по свету
искать удачу. Путь лежит далек.
Прощай, прощай, другой дороги нету.
Прощай, мой тростниковый стебелек!
Что там маячит? Что там ожидает?
Кому судьба удачу раздает?
Нужда меня расстаться вынуждает,
беда моей любви не признает.
Но что бы ни случилось впереди,
ты на дорогу дальнюю гляди.

4

Когда же вдруг случится — ты устанешь
смотреть и ждать не год, не два подряд,
когда же вдруг случится — перестанешь
надеяться, что я приду назад,
ты знай, что не слова и не богатства

дорогу мне сумели перейти,
что не любовь моя к тебе погасла,
а смерть меня настигла на пути...
Пусть песню сокабон тебе играет,
и пусть она меня напоминает.

Уходят года понемногу...

Хулио Террентесу

Нак будто в пустую дорогу
я жизнь провожаю свою.
Чтоб горечь унять и тревогу,
я в камере тесной пою.

1

За толстой тюремной решеткой
крадущейся нудной походкой
за днем пробирается день,
на свет опускается тень.
Я слышу,
 безмолвен и чуток,
как медленно падает ночь.
Тоскливое шествие суток
мне трудно уже превозмочь.
Уходят года понемногу,
как будто в пустую дорогу.

2

За толстой тюремной стеною
сiju я с чужою виною,
и раны мои глубоки,
но сжаты мои кулаки.

Здесь силы людей убывают —
по капле я их берегу:
я знаю, как дни убивают,
когда ты пред ними

в долгу.

У самой беды на краю
я жизнь провожаю свою.

3

А где-то в далекой деревне
меня ожидает жена.
Там густо течет под деревья,
тоскуя по мне,

тишина.

Там небо мое голубое,
и поле мое, и холмы...
Как непримиримы с любовью
холодные стены тюрьмы!
Я песню пою про дорогу,
чтоб горечь унять и тревогу.

4

Но сквозь темноту заточенья
он брезжится,
день возвращенья.

Все ближе его торжество.
Я должен увидеть его.
Я верю, что время настанет —
вернется свобода ко мне.
Решетка меня не заставит
в тюремной молчать тишине.
Чтоб боль успокоить свою,
я в камере тесной пою.

Спутник

Рубену Дарью Соусе

В космическую даль поющий спутник
из глубины России взял разбег.

*Свой ветер, благодарный и попутный,
ему вдогонку посылает век.*

1

Нет больше тайн от человека. Нет.

И беспредельных нет границ на свете.

На глушь пустынь, на океан, на ветер —
на все вокруг пролит наукой свет.

От атома все может рухнуть разом,
все может быть от смерти спасено.

В глубины моря проникает разум,
кронится материк, как полотно.

И различим легко сквозь сумрак смутный
в космической дали поющий спутник.

2

Мы скоро доберемся до луны,
до дальних звезд,

что где-то там бледнеют.

Немеют боги —

что они умеют?

Все людям чудеса подчинены.
Довольно человечество ходило
вслепую по дорогам бытия!
До самого далекого светила
должно быть все раскрыто.

Верю я.

Корабль небес, что создал человек,
из глубины России взял разбег.

3

Умрет болезнь.

Не выдержит она
с наукой непосильного сраженья.
Не избежав однажды пораженья,
умрет,

умрет кровавая война.

Одержит радость новую победу
над хилым, умирающим «вчера».

Я торжествую.

Я предвижу эту
эпоху равноправья и добра.
Так пусть же дует ветер в парус будней,
тот ветер, благодатный и попутный.

4

Капризы и желания твои,
о человек, все будет исполняться.
Машины будут мудрые стараться,
а ты гори, выдумывай, твори...

Земля еще следов не смыла грязных
целей и войн.

Но кружится она.

И главный день придет,

и светлый праздник

на вечные настанет времена.

Уж новый спутник вверх берет разбег:

его вдогонку посылает век.

Крестьянская дэсима

Для Анхелы Эррера

1

Все в тебе.
В тебе одной:
розы с их благоуханьем,
пашни в освещеньи раннем,
тронутые чуть весной;
гор спокойное молчанье,
ветер ласковый речной...
Нет цветов на целом свете,
как ни поклоняйся им,
красотою равных этим
утренним
губам твоим.

2

Вся земля — твое дыханье,
песенка твоя — народ,
танец — веток колыханье,
тихий голубя полет,
взгляд — пожара полыханье,
слово сказанное — мед...
В поделуе губы тают,
как цветы на ветерке,
и любовь произрастает
в том чудесном цветнике.

3

Губы...

Я про губы снова...

Я найти пытаюсь слово,
что губам твоим под стать.

В грудь мою оно стучится
то смоковницей, то птицей...

Где мне слово отыскать?

Губы...

Я про губы снова...

В поиске я, как в огне.

Красный конь стучит подковой,
обжигает сердце мне.

4

Ты храни их в первозданной
свежести и красоте,
словно спелый колос ранний,
кланяющийся

звезде.

Пусть в тебе сплошное море
свежести и красоты,
безграничное такое...

Все,

чем так богата ты,
как мне уберечь от горя,
от беды и нищеты?

2

Этой землею владел мой дед
в славное время

Викториано *...

Не затягивается

эта рана,

не зарастает травой

след.

Многое может поведать она,
что нынче к чужим рукам прибрана,
вот это жнивье,

и холм этот старый,

и роща банановая

у холма,

певец и голубь,

павлин,

гитара

и каждая складка земли

сама.

3

«Сеньоры» напали, как воронье,

Спелый сок из нее выжимают...

О, разве они ее понимают

так,

как мы понимали ее?

Но приближается светлый день:

горя не будет, не будет скорби,

* Викториано Лоренсо — панамский партизан, участник гражданской «Войны тысячи дней» (1899—1902).—
Прим. автора.

оживут
наши древние корни,
миром повеет из деревень...
Я верю в эту судьбу непреклонно,
о земли Эспино,
о земли Анона!

4

Хватит. Понатерпелись. Пора.
Неистово полыхают закаты.
Пускай ловкач и бездельник богатый
отведают вкус
моего топора!
Пускай вражды зловещая птица
в пустую клетку свою
возвратится.
Нам на земле с этой птицей тесно,
гнев
огнем наши души жжет...
В путь, товарищи!
С песней, с песней!
Свобода
не за горами
ждет.

Тебя зовут Крус-и-Мария

Крус Марии Васкес

1

Ты как весеннее небо густое,
Крус-и-Мария.
Ты как цветок.
Перед небесной твоей красотой
сладко изнемогаю,
мой бог.
Много ли я без любви моей стою,
без взгляда единственного
твоего,
если меж морем и горным снегом,
кроме тебя,
меж землей и небом,
Крус-и-Мария,
нет ничего?

2

Руки твои —
словно поле,
мудро,
гордо возделанное тобой.
Щеки твои — как жасмин,
под утро
выросший
из ночи голубой.
Голос твой может безбрежно литься,
нежности
завидуют листья,

Поэмы тела

**ПОСВЯЩАЮ ЛЮДЯМ,
КОТОРЫЕ БОРЮТСЯ ЗА МИР БЕЗ ВОЙН,
БЕЗ НЕНАВИСТИ, БЕЗ ЦЕПЕЙ...**

**«Расширяй, о прекрасный мир,
свое сладкое господство от моря до
моря; а ты, захватническая война,
прекратись; и пусть не будет больше
рабства...»**

Андрес Бельо

Пролог

Здесь песни моей рожденье, и стон народа,
израненных нервов

плач, боль, звон.

Отсюда берет начало мое пробужденье,
и я поднимаюсь, искра солнца земного,
впиваюсь в землю, разъятую на куски,
и в поисках жизни иду вслепую, на ощупь.

Сто скользких ящериц голода и нищеты
ползут за мной упрямо и неустанно.

А я иду.

И ветер красных надежд
колышет красные розы передо мною.

Хлеб я ищу.

Но только черствые крошки
на поворотах дороги своей нахожу.
Может быть, встретится риса веселый посев?
Нет, лишь колючий кустарник.

Пустыня... пустыня...

В поисках родины странствую я по земле.

Где же ты, родина?

Пыль под ногами да камень.

О, я ее отыщу! Я увижу ее,
морем омытую, радостную такую,

* * *

Из соли и надежд я создан.
Жестокий, чтобы убивать.

Я тигр.

Но иногда я соловей и даже серранилья.

Я из утробы родины пришел,
землею-индианкой вскормлен...

О, не напрасно мой народ во мне
еще сгустил свою густую кровь!

Кровавыми ночами

клыки щенка

под крики ярости

вонзаю я в листву

земную,

плотскую,

грядущего листву.

Крепкие, добрые ноги, которые не устают

О привет вам, попутчики-пешеходы!
По камням и корням вам ступать не впервые.
Вы покрыты дорожною пылью прекрасной,
годы странствий покрыли вас щедро рубцами,
въелась пыль в те рубцы,
как частица дороги...

О солдаты походов!
О войны маршей!
Ваши нервы и мускулы
на пределе.
Вы — опора надежды моей и любви.
Вот откуда я долгий свой путь начинаю,
вот откуда дорога торопится к счастью,
только к счастью.
И нету оттуда возврата.

О хорошие, прочные, добрые ноги,
вам усталость неведома, страх вам неведом.
Тверже, тверже, подошва, ступай на дорогу,
ощути лихорадку земли и горенье.

Мы идем за историей.

Нет нам возврата.

Первых радостей мы острова открываем.

Дальше, дальше, дорога...

И цели крошатся

и в пыли утопают.

И нет нам возврата.

Ноги бедного мальчишки такие

Ноги бедного мальчишки такие:
покрывают рубцы их тугие,
разрисованы ноги кнутами,
что посвистывают
ночами.

Эти ноги нужны ему очень,
чтоб скрываться
от быков и от гончих,
от жандармов, от хозяев сердитых,
от мальчишек богатых и сытых.

Как тверды и как они упруги,
мои ноги — друзья мои и слуги!
Горы переходят, реки топчут.
Бег их вечен, твердый шаг их точен.

Как они ловки и надежны —
все доверить ногам моим можно.
Как они выдерживают бремя,
что взвалило на них наше время!

Будьте, мои ноги, терпеливы:
подгибаться и слабость не должны вы,
только гордая смерть вам подходит —
только стоя
и только в походе.

Вот спина моя — сплошное страдание

Вот спина моя — сплошное страдание,—
изогнувшаяся

под плетьюми и под грузом...

Вот спина индейца из камня и бронзы —
в шахте крошится камень, а бронза тускнеет.
Я несу на этой спине ноябрьские ливни,
пот, боль и судороги рассветов,
я шатаюсь, навьюченный и нагруженный...
Нищета, эта старая хищница, рвет мое мясо.
Я шагаю, шатаюсь.

Я навьючен невзгодами,
страхом, голодом, криком, скорбями народа...
Но еще я несу драгоценные красные розы,
а еще я несу карабин свой бывалый и верный,
чтобы бить наповал, чтобы бить наповал,
беспощадно.

И еще я несу на спине своей горькой
надежды,
что бросают свои якоря
у причалов рассвета.

О руки, натруженные и грубые

О руки,
натруженные и грубые,
рабочие руки в рубцах и шрамах!
Земля и железо вам в кожу вьелись
так, что уже отмыть невозможно.

Все вам известно: жара и стужа,
пот работы и мед работы...

О руки — всех основ основатели:
хлеба, воды, нежности, радости!
Все плоды вы собрали примерно,
первый огонь

пустили по свету,
крепкую нитку в иголку вдели,
землю

зернами

заселили.

И на всем, что нас окружает,—
на тропинках, камнях, руинах,
на фонтанах, фабриках, фермах —
ваших пальцев следы

и нервов,
и темнеют пятнышки крови.

О усталые руки моего деда,
напоившие землю кровью!
Как жестки и кривы ваши пальцы!
Но как нежны они
 для вечерней гитары
и для трогательных прощаний.
О, какое запястье — широкое, словно дорога.
кулаки, словно медные глыбы,
десять пальцев,
 сошедших с ума...

Будет день, и они вдруг поникнут,
и мачете скользнет из них на пол.

Все оставят они, умирая:
землю, воду, деревья, гитару,
наклонившись над краем ограды,
словно белые орхидеи.

Товарищ мой каменный, ты терпелив

Желудок мой каменный, ты терпелив,
хоть голод гложет тебя годами.
Работай, работай, дружок, до боли,
вырабатывай
горький сок ожидания!

Мы идем вдвоем по широкой дороге,
нету нам хлеба, нету маиса...

Только

зной, да грязь, да каменья,
только каменья, да грязь, да стужа.
Товарищ мой каменный, ты терпелив.
Бьется рядом железный мускул,
бьется сердце с тобою рядом...
Ты — словно око воды в пустыне,
жар в очаге под котлом чугунным,
фабрика крови, улыбка, сила,
человека
бывалый лощман.

Друг мой каменный, ты терпелив.

Нищета тебя

перетирает,
но работай, работай до боли,
вырабатывай сладкий мед ожидания.

Там, впереди, звонкий день маячит,
полный хлеба,
полный любви!

О громадные, грустные, грешные, гордые руки,
вы порвите дурацкое это ярмо
и разружьте старинное рабство,
чтобы в рукопожатии добром
все руки слились трудовые
среди песен,
и весен,
и роз,
и гвоздик,
и колосьев.

О мое легкое, пей ветер ранний

О мое легкое, пей ветер ранний,
воздух родины большими глотками!

Может хлеба не быть и света,
но в глубоком море проклятий
пролетает утренний ветер,
ноздри мои шевеля, как крылья.
Солнце светит, и жизнь кочует
по лесам, по горам, саваннам...

Нас насыщает надеждой воздух,
ветер, пропитанный ароматом
и растворяющийся в полете.
Пахнет созревшей кукурузой,
чей стебель —

словно копьё в июле.

Пахнет рисом, чистым и спелым,
под солнцем августовским склоненным...
О удивительный запах жизни,
призывающий жить и верить,
жить, и верить, и не сдаваться!

Запах жизни — он так прекрасен...
Значит, и хлеб, и свет, и жилища —
все вокруг должно быть свободным,
как ветры,

которые я вдыхаю.

Вот нежный, мягкий мой язык для слова

Вот нежный, мягкий мой язык для слова,
которому бросать в пути колосья...

Но никогда — для лжи

и никогда — для лести
не для молчания, когда молчат другие.

Вот нежный, мягкий мой язык для гимна,
который петь со мною братьям в битве.

И для того, чтоб сладкий мед надежды
мне впитывать

и соки дней грядущих.

Но если щелкают бичи упрямо,
предсказывая час мой смертный,
вот мой язык,

но никогда — для жалоб
и никогда — для рабского молчанья.

Пой, кровь моя...
Пой, мое горло...

Пой, кровь моя...

Пой, мое горло...

Труби с зарей, горнист народа,

гордо,

не умолкай, кричи

призывнее и громче,

пой, пой,

иначе смерть тебя прикончит.

Но если и последний пот твой пролит,
и голод гнет и душит (будь он проклят!),
и смерть раскинула

свои глухие крылья,

звенит коса, изогнутая криво,—

пой все равно,

как лебедь,

сквозь смятенье,

как тот трубач,

израненный смертельно.

Я без страха сердце раскрываю

Я без страха сердце раскрываю.
Если кровь в пути пролить придется,
станет красной сорванная роза...
Так иду я по своей дороге.

И когда в сраженьи непрестанном,
враг меня сбивает с ног и тащит
к смерти
 по земле моей,
 по серой,
даже червь левкоем расцветает.

Ночь длиннее может стать и глуше
и кинжал — острей и беспощадней,
и одна-единственная гибель
превратиться может в гибель сотен...

Но никто и никогда не сможет
обезглавить звонкие надежды
моего печального народа.
Он поднялся. Он уже проснулся.
И за жизнь свою идет он на смерть,
яростные песни распевая.

О барабанных перепонках стеклышки

О барабанных перепонках стеклышки,
раскрытые шумам ушные раковины,
ловящие победный шепот крови,
струящейся по всем моим сосудам!

Вы, словно распустившиеся розы,
фильтруете невидимые звуки...
Спешат они.

Как уголь раскаленный,
вонзаются в сознание мое.

* * *

Слушай, верный мой пес. И сова.
И ученый петух, что зарю возвещает.
И ребенок, вздохнувший под небом осенним
на недоброй циновке своих сновидений.

Слушай, тот, кто вошел,
кого, может быть, ищут...

Слушай в полночь, задумчивый полководец...
Что звучит там в тиши?

Каблуки?

Аксельбанты?

Может, ружей приклады скребут о булыжник?..

Вдруг глаза мои встретили зверя

Вдруг глаза мои встретили зверя,
возникшего странно

в безбрежной пастушьей ночи...

Я увидел, как медленно, обегая древние горы,
возникала колючая изгородь.

Вот уже

нет ни пяди открытой земли,
где бы мог свое ранчо беглец приспособить.
Я увидел, как родину на два куска разрывают,
разрывают...

И странное знамя чужое
водружают...

Чужое, как оскал леопарда.

Мне глаза помогают мои

на ходу разместить,

разложить

на обветренной почве дороги
жизни горькую головоломку.

Я шагаю на цель, и она меня манит и ждет,
даже если темнеет, она меня манит и жжет,
даже в полных потемках.

Впереди — голубая звезда, ночь уже за спиной,
надо мною закат, золотой и заветный,
рядом — крыльями машет надежда,
потому что глаза для того, чтобы двигаться к цели,
а не плакать слезами печали.

Нерв — двигатель, мотор, машина

Нерв — двигатель, мотор, машина жизни,
создатель героических поступков,
и провод электрический, и искра,
и закаленной стали звон протяжный.
Бегут от позвоночника волокна,
сочти-ка эти тонкие волокна,
сочти-ка эти белые дороги,
бегущие по разным направлениям,
мятежные дороги гор зеленых,
за сотни лет накопленных с лихвою,
пропитанные кровью и борьбою
во имя родины моей печальной.

Нерв нужен для того, чтобы внезапно,
как торный кот, рвануться в преисподню,
чтобы стоять в засаде черной ночью
на серой башне

и не шелохнуться.

Нерв нужен для того, чтобы высоко
держатъ народа знамя над собою,
не уступать его и не сдаваться
и повторить Париса * славный подвиг.

* Национальный герой, который предпочел смерть на костре предательству.— *Прим. автора.*

О мудрый пол, творец детей и кукол

О мудрый пол, творец детей и кукол,
которым подрастать, смеясь над смертью...
Ты — боль и ужас бедных матерей,
но ты и радость матерей усталых.
Гармония разлита по земле.
Земля прекрасна, человек прекрасен.
Ты зажигаешь радостью любви,
ты, словно бог, людей соединяешь.
И даже в горе встретить смерть свою
бывает страшно:

вот твое решенье.

...Блуждает ночь.

Ночь странствует.

Зовет.

Мужчина отзывается на зов,
и женщина к любви своей приходит.

Цветок и пламя как соединить?
Но ты веками их соединяешь.
Нельзя переступить твои законы...

Гармония разлита по земле.

Ты, словно часовой, из-под руки взираешь,
как утро перекраивает землю...
И я иду туда, где сходятся дороги,
где общие рождаются надежды.

* * *

О сердце патриота!

Все сердца
героев, похороненных в печали!

Меня проклятья яростные душат
ста тысяч соплеменников моих:
ведь я несу в густой своей крови
загубленного племени стенанья.
Да здравствует Уррака!.. *

Светлый камень
воздвиг народ над гибелью твоей...
Да здравствует Уррака!..

Тихо плачу
на камне том о гибели твоей...
Но много нас. И мы идем. Дорога,
твоя дорога вьется перед нами.
И с нами ты,
и знамя
твое прекрасное несем перед собой.
Орел вершин!

Мы так же зорко-зорко
глядим в распахнутые двери моря,
чтоб чужеземных кораблей дымы
не закоптили бы наш древний берег.

* Национальный герой, боролся против испанских завоевателей.— *Прим. автора.*

* * *

Встань, Лоренсо Викторiano!
Старики тебя вспоминают
и в сердцах своих носят пулю,
разорвавшую твое сердце.

Враг тебя на рассвете предал,
выстрел в тебя на рассвете грянул.
Встань, Лоренсо Викторiano.
Гнев твой в наших сердцах клокочет.

Ты о чем мечтал, мой товарищ?
О земле, спокойной и доброй.
Ты о чем мечтал, мой товарищ?
О земле, просторной и щедрой.

Встань, Лоренсо Викторiano,
подымись, великий индеец.
В моем сердце — твои страдания
и твои надежды и песни.

Я иду по земле гудящей.
Мы задушим в логове зверя,
разорвем тяжелые цепи...

Подымайся,
Викторiano!

* * *

О сердце доблестное, бейся, бейся...

Однажды грянет час, и в синем мраке
ты, трепетная бабочка, затихнешь.
И будет слышно, как звенят во мне
и увядают немощные вены,
как кровь сворачивается улиткой...
И вот тогда, машина цвета роз,
последняя моя умолкнет песня.
И вот тогда остановись, замри —
по всем законам, мудрым и прекрасным,
ты все исполнило,
и, кончив дело,
последний раз мой голос отзовется...

Смерть так естественна.

Ну что ее бояться?

* * *

А жизнь идет.

А жизнь идет.

Мой прах, хоть он совсем не вечен,—
пока в земле не растворился,
он вам расскажет обо мне,
что жизнь я не напрасно прожил,
что все,

что мог,

я совершил.

Я был песчинкой, был я каплей
в великом шествии народа.

Чем были цепи тяжелей,
тем я упрямей разгибался.

И находил свою дорогу,
где вовсе не было дорог.

Зарей покрытый горизонт
был мне звездой путеводной.

Вот почему я гордо шел,
вот почему я крепко верил
в любовь, и в смех, и в хлеб, и в счастье,
и в то, что близок миг, когда
не будет ни цепей, ни горя
в пейзаже родины моей.

Эпилог

Здесь все слилось, здесь все перемешалось:
поэмы тела, кровь моя и песни,
и вечный голос моего народа.
Я поднимаюсь от ступней к глазам,
пытаюсь чистых звезд достичь руками
пылающими,
грубыми,
земными.

...Из соли и надежд я создан
и родину ищу в потемках синих.
...Я мир люблю, сияющий и белый,
и голубя, простершего крыла.
...О хорошие, прочные, добрые ноги,
вы солдаты походов и воины маршей.
По корням и камням вам ступать не впервые,
вы покрыты дорожную пылью прекрасной.
...О руки, натруженные и грубые,
рабочие руки в рубцах и шрамах...
...Желудок мой каменный, ты терпелив.
Работай, работай, дружок, до боли,
вырабатывай сладкий сок ожидания.
...О мое легкое, пей ветер ранний,
воздух родины, глотками большими...

...Вот нежный, мягкий мой язык для слова,
но никогда — для лжи, и никогда — для лести.
Вот нежный, мягкий мой язык для гимна,
который петь со мною братьям в битве.
...О барабанных перепонках стеклышки,
раскрытые шумам ушные раковины,
ловящие победный шепот крови...
...Слушай в полночь, задумчивый полководец.
Что звучит там в тиши?

Каблуки?

Аксельбанты?

Может, ружей приклады скребут о булыжник?..
...Нерв — двигатель, мотор, машина жизни,
создатель героических поступков,
ты — закаленной стали звон протяжный...
...О серый мозг, извилистый, глубокий,
грудящийся бессменно, сотворенный,
чтоб обнаруживать живые скалы,
откуда правда бьет ключом горячим.
...Ах, кровь коралловая, пролитая мною,
неужто умереть рабом с тобою, красной?..
Когда народы сбрасывают рабство,
они твой цвет в своих одеждах носят.
...О сердце доблестное, бейся, бейся,
рычи, как лев, но не покинь меня.
...Да здравствует Уррака!..

Тихо плачу

на камне том о гибели твоей.
...Отец индейцев, воин и товарищ,
Парис, мне горько
помыслить вдруг о гибели твоей...
...Встань, Лоренсо Викториано!
Старика тебя вспоминают
и в сердцах своих носят пулю,
разорвавшую твоё сердце.

...А жизнь идет.

А жизнь идет.

Мой прах, хоть он совсем не вечен,

пока в земле не растворился,—

он вам расскажет обо мне,

что жизнь я не напрасно прожил...

* * *

Это поэмы тела, поэмы тела...

Кто я такой? Я каменщик.

В самом сердце
выросли, расцвели они, распустились.
А из чего же они?

Из земли и соли,
и из морской воды, голубой и чистой,
кровь равнин по ним протекает также.

Ищут они... Но что

от рассвета к рассвету?
Очень нужны им сильные братские руки,
очень важны им дороги, дороги, дороги...

Это поэмы тела, поэмы тела,
тени, которым долго пришлось находиться
возле бетонных причалов
грядущего дня.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Окуджава. Немного об авторе
этих песен **5**

Песни Панамы

Пой, гитара	11
Хотелось бы быть мне счастливым	13
Фестиваль	15
Смерть	17
Женщина	19
Самых мудрых я расспрашиваю	22
Я ничего не нашел, возвратившись	24
Я прошу свободы	26
Деревья дорог	29
На этой земле я родился	31
О, как ты, земля, хороша	33
Не потому, что не хочу любить	35
Я о любви не буду больше петь	38
Как нужен стих, чтоб мог воспламениться!	41
Я маис хочу сажать	43
Дитя миллиона	45

Прощай, прощай, земля моя	47
Я плачу над своей судьбою	50
Ты только подожди	54
Уходят года понемногу	57
Спутник	59
Крестьянская десима	62
О земли мои	64
Тебя зовут Крус-и-Мария	67

Поэмы тела

Пролог	73
Из соли и надежд я создан	75
Крепкие, добрые ноги, которые не устают	76
Ноги бедного мальчишки такие	78
Вот спина моя—сплошное страдание	79
О руки, натруженные и грубые	80
Товарищ мой каменный, ты терпелив	82
Руки моей матери	83
Я пою о руках моего народа	84
О мое легкое, пей ветер ранний	86
Вот нежный, мягкий мой язык для слова	87
Пой, кровь моя... Пой, мое горло	88
Я без страха сердце раскрываю	89
О барабанных перепонок стеклышки	90
Слушай, верный мой пес	91
Вдруг глаза мои встретили зверя	92

Нерв — двигатель, мотор, машина	93
О серый мозг, извилистый, глубокий	94
Ах, кровь коралловая, пролитая мною	95
О мудрый пол, творец детей и кукол	96
О широкие кости, фундамент, опора моя	97
О доблестное сердце, бейся, бейся	98
О сердце патриота	100
Отец индейцев, воин и товарищ	101
Встань, Лоренсо Викторiano	102
О сердце доблестное, бейся, бейся	103
А жизнь идет	104
Эпилог	105
Это поэмы тела	108

Чангмарин

ПЕСНИ ПАНАМЫ

Редактор *Е. В. Приказчикова*
Художник *М. К. Эльконина*
Художественный редактор *В. Я. Быкова*
Технический редактор *А. Г. Резоухова*

Сдано в производство 3/VIII 1963 г.
Подписано к печати 8/X 1963 г.
Бумага 70×90^{1/32}=1,8 бум. л. 4,1 печ. л.
Уч.-изд. л. 3,1. Изд. № 12/1463
Цена 17 коп. Заказ № 736

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2

*

Набрано в Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28
Отпечатано в типографии
Госкомитета по судостроению, зак. 1769

17 к.

